ДАУГАВПИЛССКИЙ ЦЕНТР РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
(ДОМ КАЛЛИСТРАТОВА)

ДАУГАВПИЛССКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ

СЛАВЯНСКИЕ ЧТЕНИЯ

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛАТГАЛЬСКОГО КУЛЬТУРНОГО ЦЕНТРА
ДАУГАВПИЛС–РЕЗЕКНЕ 2000

Издание осуществлено при финансовой поддержке Даугавпилсской городской думы

Редакционная коллегия:

И. З. Белобровцева (Таллинн)
А. Ф. Белоусов (С.-Петербург)
В. В. Гудониене (Вильнюс)
П.-А. Йенсен (Стокгольм)
Э. Б. Мекш
Л. В. Спроге (Рига)
Ф. П. Федоров (*редактор*)
С. М. Шварцбанд (Иерусалим)

Макет: *В. М. Барановская*

ДАУГАВПИЛСССКИЙ ЦЕНТР РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
(Дом Каллистратова)
Nometņu iela 21
LV – 5404, Daugavpils
tālr.: (371) 54109
e.mail: rus@mbox.latg.lv

DAUGAVPILS PEDAGOĢISKĀ UNIVERSITĀTE
Krievu literatūras un kultūras katedra
Vienības icla 13
LV – 5401, Daugavpils
tālr.: (371) 24238
e.mail: rusal@ dpu.lv

ISBN 9984-539-86-5

© ЦЕНТР РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ (ДОМ КАЛЛИСТРАТОВА),
ДАУГАВПИЛСССКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, 2000
© ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛАТГАЛЬСКОГО КУЛЬТУРНОГО ЦЕНТРА, 2000.

СОДЕРЖАНИЕ

I

Ю. А. Новиков (Вильнюс). Змея в мифологических сказаниях и верованиях старообрядцев Литвы 7

Т. С. Царькова (С.-Петербург). К дискуссии о «письменном фольклоре» (литературные начала в реальной стихотворной эпитафии) 13

II

С. М. Шварцбанд (Иерусалим). Универсализм Пушкина: от «Гавриилиады» к «Подражаниям Корану» 25

Ф. П. Федоров (Даугавпилс). Ночь в лирике Тютчева 38

Л. Е. Ляпина (С.-Петербург). Об одной модели «герой и мир» в русской послепушкинской лирике 68

Г. Б. Марков (Даугавпилс). Поэзия и творчество в лирике А. Пушкина и К. Случевского: к вопросу о генезисе 75

С. Н. Дауговиш (Рига). «Но только б мой букет был возле нее ...» (Ф. М. Достоевский. «Маленький герой»: к описанию флористического кода)..... 84

Андрис Казюкевич (Даугавпилс). Пространство и время в романе Г. Сенкевича «Quo vadis» 92

И. З. Белобровцева, С. К. Кульюс (Таллинн). Игра и игроки в русской литературе начала XX в.: заметки к теме 98

А. М. Грачева (С.-Петербург). Античная драма в истории и эстетике А. М. Ремизова 104

С. Н. Доценко (Таллинн). Апокрифические мотивы в повести А. М. Ремизова «О страстях Господних» 114

Е. В. Иванова (Москва). «Крушение гуманизма» А. Блока и «Закат Европы» О. Шпенглера 124

Р. И. Соколов (Даугавпилс). Сквозные темы «Римского дневника 1944 года» Вячеслава Иванова 140

Л. В. Спроге (Рига). Пушкинский пласт в романе Викторса Эглитиса «Неотвратимые судьбы» 149

П. М. Лавринец (Вильнюс). К. Д. Бальмонт в Вильнюсе (1927) и Каунасе (1930) 156

К. Д. БАЛЬМОНТ В ВИЛЬНЮСЕ (1927) И КАУНАСЕ (1930)

П. М. Лавринец

Отсутствие доступа к главной своей публике на родине, сложные отношения с русским зарубежьем и неблагоприятная материальная ситуация заставили К. Д. Бальмонта в эмиграции искать новую аудиторию, – и темы, которые вызвали бы ее благодарный отклик. Поэт обратился к Польше и Литве, к Чехии, Сербии, Болгарии, их народной и современной культуре. Повороту к культурам славянских и балтийских стран способствовали прежние увлечения, в частности, польской словесностью (см.: Baranski 1963: 69–81; Orłowski 1997: 403–412) и литовскими мотивами (см.: Samulionis, Straukaitė 1967: 148–160; Рождественская 1985: 185–204; Видугирите 1997: 137–147), предрасположенность к экзотике и восприимчивость к чужой литературе, фольклору, мифологии, не всегда, впрочем, сопутствуемая глубиной понимания.

Осенью 1923 г. Бальмонт вел переговоры о выступлениях в Прибалтике, надеясь «на Ригу, и Ковно, и Ревель», «на долларов 200–300» «из воздуха Балтийского моря» (Письма К. Бальмонта... 1997: 173; 176). Литва в планах Бальмонта была и весной 1929 г., о чем он извещал читателей рижской газеты «Сегодня» перед отъездом в Сербию: «Потом поеду в Хорватию. Потом в Болгарию. И потом в Литву. Загляну и в Латвию»*. Думать о Польше и балтийских странах как о возможности оказаться по соседству с Россией (и в бывшей России) заставляла и ностальгия: «я бы завтра же уехал вон из Франции и из Европы, уехал бы в Ковно, в Ригу, в Ревель», писал Бальмонт в письме в мае 1923 г. (Письма К. Бальмонта... 1997: 156) Отчетливо понимая это, польский критик и публицист Ч. Янковский подчеркнул, что Бальмонту, остававшемуся в России до последней возможности, после восьми лет эмиграции не хватает Москвы**. Встречи с ним в Вильнюсе подтвердили догадки: Польша для поэта, писал Янковский, не только самая близкая страна, но и преддверие России. «А на порог, хотя бы только на порог Ее – так тянет!» – добавил за Бальмонта журналист***.

В Вильнюсе Бальмонт уже побывал с лекцией «Поэзия как волшебство» (1914). Второй раз он оказался здесь в ходе лекционного турне по Польше в 1927 г., в маршруте которого были также Варшава, Белосток, Лодзь, Гродно,

* Бальмонт К. Д. Прощальный взгляд (Письмо из Франции) // Сегодня. – 1929. – № 58, 27 февраля.

** Cz. J. [Cz. Jankowski] Balmont w Warszawie // Słowo. – 1927. – Nr. 97 (1410), 29 kwietnia. Чеслав Янковский (1857–1929) – польский поэт, критик, публицист; гимназию окончил в Митаве (ныне Елгава).

*** Cz. J. [Cz. Jankowski]. Balmont w Wilnie // Ibidem. – Nr. 108 (1421), 13 maja.

Львов, Краков и Познань. В планы первоначально входило «выступить в Варшаве, Кракове, Вильне и других польских городах, где русский поэт будет читать свои лекции, «Певец народной польской души, Ян Каспрович» – по-польски и «Лик женщины в поэзии и жизни» – по-русски для русских, живущих в Польше, и по-польски для поляков»*. С поэтом Яном Каспровичем (1860–1826) Бальмонт подружился в Париже в 1906–1907 гг., переводил его произведения, писал о его творчестве. По приезде в Польшу планы изменились и он с женой Е. К. Цветковской-Бальмонт «вместо Варшавы поехал прямо в Закопане, где около месяца гостил в доме вдовы поэта Яна Каспровича»**, сестры И. А. Бунина Марии Каспрович (1873–1930). О приезде Бальмонта в Варшаву из Закопане 22 апреля сообщило Польское телеграфное агентство ПАТ; в рубрике «Ночные телеграммы» известие поместила газета «Виленское утро» (1927, № 1983, 23 апреля). Тематика докладов варьировалась: в Варшаве Бальмонт читал по-польски о Каспровиче, по-русски – о русской эмиграции и о своем путешествии по Океании 1912 г.***

«Виленское утро» в одном и том же номере 7 мая дважды, – в заметке «К приезду в Вильну 8 мая К. Бальмонта» и в рубрике «Театральная хроника» под заглавием “Константин Бальмонт в «Редуте»”, – сообщила о приезде «знаменитого русского поэта минувшей эпохи, а также великого поэта современности» и анонсировала его лекцию на тему «Женщина в жизни и поэзии». Поэт приехал в воскресенье 8 мая; на вокзале его встретили выдающийся славист, историк литературы и публицист, профессор кафедры всемирной литературы Виленского университета Марьян Здзеховский (1861–1938), художник, профессор и декан факультета изящных искусств Виленского университета Фердинад Рущиц (1870–1936), «представители русских виленских организаций гг. Емельянов и Рахлин-Румянцев, предст. литературно-артистической секции г-жа Соколова, представ. “Барки поэтов” при русском студенческом кружке студ. Розвадовский и др.»****

В понедельник 9 мая в театре «Редута» на Погулянке (ныне в здании на ул. Басанавичяус располагается Русский драматический театр) состоялась лекция Бальмонта. В день лекции заметка в местной хронике «Виленского утра», известив, что читаться она будет на русском языке, привела тезисы: «1) Слово гнева мужского – восхваление женщины. 2) Четыре оклеветанные женщины. 3) Древнеегипетская сказка. 4) Скандинавская песня. 5) Буддийская женщина. 6) Русская женщина. 7) Великий праздник влюбленных» (№ 1998, 9 мая). По утверждениям «Виленского утра», лекция «очень заинтересовала виленскую

* К. Д. Бальмонт приглашен в Польшу // Сегодня. – 1927. – № 77, 5 апреля.

** Сергеев В. Бальмонт в Варшаве // Там же. – № 91, 26 апреля.

*** См.: Добротин А. Варшавская мозаика. Бальмонт в Польше // Там же, № 103, 10 мая.

**** К авторскому вечеру К. Д. Бальмонта в среду // Виленское утро. – 1927. – № 1999, 10 мая. И. А. Емельянов – редактор–издатель газеты «Время» (1930); Тамара Соколова – организатор основанной в 1922 г. библиотеки Виленского Русского Общества, участница вечеров Литературно – артистической секции Виленского Русского Общества и поэтесса, стихи которой публиковались в местных газетах и включались в «Сборник русских поэтов» (Львов, 1930), «Антологию русской поэзии в Польше» (Варшава, 1937), «Сборник Виленского Содружества поэтов» (1937).

публику и собрала полную аудиторию. Славного поэта виленцы приняли с большим восторгом и овациями» (1927, № 1999, 10 мая). О большом интересе к выступлению Бальмонта косвенно свидетельствует заметка «Вор-джентельмен» из рубрики «Происшествия»: «у вешалки, во время давки» был украден бумажник, документы из которого были возвращены владельцу по почте («Виленское утро», 1927, № 2002, 13 мая). «Редута» 9 мая приняла «славного поэта, устроив в честь его "чашку черного кофе"», – сообщала ранее газета. – В музее "«Редуты» К. Бальмонт написал новое стихотворение, посвятив его «Редуте» и его вдохновителю г-ну Остерво"*.

О пребывании Бальмонта в Вильнюсе сохранились любопытные воспоминания Сергея Георгиевича Поволоцкого (1908–1994), участника вечеров Литературно-артистической секции Виленского Русского Общества, журналиста и театрального деятеля. Его мать Зинаида Ивановна и тетка Нина Ивановна, рожденные Самохваловы, были с детских лет близкими подругами Марии Буниной-Каспрович. Окончив в Вильнюсе гимназию (1926) и Университет Стефана Батория (1930), в середине 1930-х гг. он стал постоянным сотрудником газеты «Наше время» и пользовался псевдонимом С. Георгиевский, криптонимами С. П-цкий, С. П. и образованным от него псевдонимом Эспэ. В день авторского вечера Бальмонта на главной улице города, носившей тогда имя Мицкевича, он увидел странную пару – высокую худую женщину в белом платье и белой шляпке, напомнившую Дон Кихота в рисунках Г. Доре, и невысокого мужчину во всем черном: черные длинные брюки, черная широкая блуза с широким черным поясом, черная длинная пелерина, очки и черное испанское сомбреро.

Вечером выяснилось, что то были Бальмонт с женой. В зале она сидела в первом ряду, разговорами ее занимал адвокат Мацей Байрашевский, знакомый Бальмонта еще по Петербургу, любитель театра и литературы. Поэта вывел на сцену профессор Здзеховский и произнес короткое приветствие. Публика (по свидетельству С. Поволоцкого, элита местной интеллигенции) восторженно встретила Бальмонта. Растроганный поэт несколько раз поклонился, но, едва заговорив, поверг всех в замешательство: никто не мог понять, о чем он говорит и на каком языке. Говорил Бальмонт быстро, но ни слова нельзя было уразуметь. При первой же возможности, когда поэт приостановился перевести дыхание, Здзеховский обратился к публике со словами: «Наш достопочтенный гость, хорошо зная наш язык, говорит нам по-польски, но, мне кажется, мы попросим его не утруждать себя и далее говорить по-русски, ведь большинство собравшихся здесь хорошо знает русский язык». Раздались аплодисменты и крики «Просим! Просим!». Бальмонт улыбнулся и продолжил по-русски: хорошо усвоив польскую лексику, произношения он не осилил и выделывал невероятные сальто-мортале с ударениями. Бальмонт, писал В. Сергеев в «Сегодня», бегло говорит по-польски, но «никогда не имел возможности много и часто разговаривать по-польски».

* К сегодняшнему авторскому вечеру К. Д. Бальмонта. // Там же, № 2000, 11 мая. Актер и режиссер Юлиуш Остерва (1885–1947) – основатель и руководитель варшавского театра «Редута», в 1925–1927 гг. работавшего в Вильнюсе.

Насколько запомнилось Поволоцкому, большую часть лекции Бальмонт посвятил польской поэзии, в особенности творчеству Каспровича, из классиков – Словацкого. Он говорил также о собственном творчестве и спасительной роли поэзии для разгоряченных мировой войной умов. Бальмонт читал свои стихи, но роль декламатора ему, по мнению мемуариста, удалась мало. Очевидно, Поволоцкий перепутал лекцию с вечером в честь поэта, прошедшим в среду. Янковский о лекции «Женщина в жизни и поэзии» писал, что Бальмонт превосходно знает польский язык и говорит на нем достаточно бегло для иностранца, но не настолько хорошо, чтобы с успехом выступать публично. Лекция, прочитанная наполовину по-польски, наполовину по-русски, не удалась и потому, что Бальмонт «никакой не докладчик», доклад перенасыщен цитатами и в нем, как в прозе поэта, «все только завязывается, берет размах и... расплывается». В результате публика утомилась и на вечере в среду 11 мая была не столь многочисленна*.

На следующий день М. Байрашевский устроил у себя ужин в честь поэта. На него были приглашены и лучшие вильнюсские литераторы той поры, в частности, также знакомый Бальмонта по Петербургу Дорофей Дорофеевич Бохан (1878–1942?) поэт, критик, прозаик, переводчик, публицист. С. Поволоцкий пришел заранее, рассчитывая на интервью с Бальмонтом для местной газеты. Открыл Поволоцкому Байрашевский, расстроенный непредвиденным обстоятельством: пока шла беседа в салоне, Бальмонт незаметно проскользнул к столу в гостиной и стремительно напился до невменяемого состояния. Прием был сорван (Povolocki 1997: 119–123).

Действительно, по газете «Виленское утро», 10 мая в 3 часа дня «в честь К. Д. Бальмонта и его супруги местный адвокат М. Байрашевский устроил у себя обед, на котором присутствовали гг. Чеслав Янковский, Остерво, А. Ромашев, Д. Бохан, артистки и артисты театров и приглашенные гости. Вечером К. Д. Бальмонт с супругой были приглашены на ужин к проф. М. Здзеховскому, после чего состоялся большой раут». А. С. Ромашев был редактором газеты «Виленское утро» (1921–1928), в которой сотрудничал Бохан.

В среду 11 мая Союз польских литераторов организовал прощальный вечер в театре «Редута». Как сообщала цитировавшаяся заметка «К авторскому вечеру К. Д. Бальмонта в среду», приветственную речь произнесет председатель Союза литераторов М. Здзеховский, вступительное слово скажет профессор кафедры физической геологии университета Мечислав Лимановский (1876–1948), создатель и руководитель (вместе с Ю. Остервой) театра «Редута»; Бальмонт прочтет свои новые, еще не публиковавшиеся стихи и переводы Ю. Словацкого, А. Мицкевича, Я. Каспровича, артисты «Редуты» будут декламировать его стихи в переводах Ю. Тувима, В. Броневского, Т. Коньчица. Заметка «Вечер К. Бальмонта» в «Театральной хронике» в том же номере газеты интересна подробностями: доход от вечера должен был пойти в

* Cz. J. [Cz. Jankowski]. Balmont w Wilnie // Słowo. – 1927. – Nr. 108 (1421), 13 maja.

фонд польских литераторов, члены Союза могли получить билеты со скидкой, публику просили не опаздывать и оговаривали: «Одежда – премьерных вечеров». Польская газета «Słowo», помимо анонсов аналогичного содержания 8 и 10 мая, в обширной заметке в день вечера «великолепного русского поэта и подлинного энтузиаста польской поэзии» отметила, что места за столиком президиума займут представители Союза литераторов, университета и русской эмиграции (как замечено в скобках, краткое выступление Бальмонта должно прозвучать по-польски). Союз литераторов стремился придать одиннадцатой «Литературной среде» (литературные вечера Союза) значение сердечного чествования «великого Эмигранта из Парижа, который влюбленностью в польский дух и трудами всей жизни снискал глубокую благодарность поляков»*.

Газетные материалы отчетливо выражают два аспекта восприятия Бальмонта в его турне 1927 г. Во-первых, новые произведения поэта были практически неизвестны и о нем судили по дооктябрьскому творчеству. Здзеховский в своей речи назвал Вильнюс глухой провинцией, в книжных магазинах которой напрасно искать литературные новинки, в русских же газетах политика занимает столько места, что литературную заметку легко не заметить**. Статья в «Виленском утре» характеризовала поэзию Бальмонта обширными выписками из статьи В. Я. Брюсова 1903 г. о сборнике «Будем как Солнце! «.

Вместе с тем подчеркивалось, что он знаком «чуть ли не с детства» с польским языком, перевел «любимейших своих поэтов» Словацкого и Каспровича***, что он – друг Польши****, знаток польской литературы и истории, еще до мировой войны мужественно выступал за свободу Польши, а во время войны стал братом для польских беженцев и эмигрантов, как отмечал Янковский. Восторженный прием поэта в Польше вышел за пределы «обычного внимания к иностранным гостям», поскольку «никогда еще русский не встречал среди поляков такого приема, какой выпал на долю Бальмонта»*****. В визите Бальмонта, писал Янковский, в усматривалось знамение польско-русского сближения, сближения поляков с лучшими элементами русского рассеяния.

Завершив турне, Бальмонт в конце мая провел еще две недели в Закопане у вдовы Каспровича, откуда отправился в Чехию. В следующем году вышла книга Бальмонта о польском поэте «Jan Kasprowicz: poeta duszy polskiej» (Ченстохова, 1928) и перевод его «Книги смиренных» (Варшава, 1928). Одновременно в ситуации затянувшегося польско-литовского конфликта

* Wielki wieczór poezji Balmonta w Zwiazku Literatów // Słowo. – 1927. – Nr. 106 (1419), 11 maja.

** Ku czci Balmonta. Przemówienie prof. Marjana Zdziechowskiego na wieczorze urządzonym staraniem Związku literatów // Ibidem. – Nr. 106 (1419), 11 maja.

*** N. K. Д. Бальмонт в Вильне // Виленское утро. – 1927. – № 1997, 8 мая.

**** Balmont w Wilnie, na Środzie Literackiej // Słowo. – 1927. – Nr. 104 (1417), 8 maja.

***** Добротин А. Варшавская мозаика; ср.: Поляки и Бальмонт // Сегодня. – 1927. – № 96, 1 мая.

русский поэт совершил решительный поворот к Литве. Этим 1928 г. нередко ошибочно датируют поездку Бальмонта в Литву (Бальмонт 1969: 39, 647; Бальмонт 1983: 675). Утверждается, будто в 1928 г. он осуществил «заветное желание побывать в Литве» и разделил «радость встречи со своими заветными друзьями – Людасом Гирой, Антанасом Венуолисом (чье имя «певуче, как звуковая волна флейты»), Балисом Сруогой», а в 1930 г. состоялась «новая поездка Бальмонта в Литву»*. Между тем обстоятельства помешали писателю А. Венуолису-Жукаускасу вырваться из Аникщяй в дни пребывания в Каунасе русского поэта, заочное знакомство по переписке началось лишь в 1932 г., а личная встреча вовсе не состоялась.

Но и сам А. Венуолис в воспоминаниях к юбилею поэта в газете «Literatūros naujienos» (1937) ошибочно относит приезд Бальмонта в Литву к 1929 г.** Неверную дату, возможно, внес Л. Гира, редактор газеты литовских писателей: в статье к 70-летию рождения и 50-летию творческой деятельности поэта визит Бальмонта он датирует тем же 1929 г.*** Писатель и литературовед Б. Сруога, встречавшийся в Каунасе с Бальмонтом, в статье к полувековому юбилею творчества поэта (за точку отсчета принимая «Сборник стихотворений», 1890) в журнале «Dienovidis» (1940, nr. 2) относит его приезд к 1933 г. (Sruoga 1990: 423). Театральный деятель Антанас Мацкявичюс вспоминает, что в начале 1930-х гг. Бальмонт приехал к Л. Гире и нашел в Каунасе давних своих знакомых, актеров и режиссеров Михаила Чехова и Андрюса Олеку-Жилинскаса (Mackevičius 1970: 102). Бальмонт действительно виделся в Каунасе с Олекой-Жилинскасом, режиссером (1929–1934) и директором (1930–1933) Государственного театра. М. Чехов, его друг и коллега по Московскому художественному театру II, приехал в Каунас лишь весной 1932 г. и встретиться с поэтом здесь не мог.

Замысел Бальмонта приехать в Литву созрел в переписке с Л. Гирой и другими литовскими писателями. Она завязалась весной 1928 г., после статьи русского поэта о литовских народных песнях в рижской газете «Сегодня», приуроченной к 10-й годовщине провозглашения независимого литовского государства (Лавринец 1998: 178–188). Уже в мае Бальмонта звали «на осень и на зиму в Ковно» читать курс мировой литературы. В августе он писал Е. А. Андреевой-Бальмонт, что «хочется уехать в Литву, но ежеминутно там может вспыхнуть война с Польшей» (Андреева-Бальмонт 1997: 532–533. В письмах Гире осенью 1928 г. Бальмонт выдвигал различные доводы за то, чтобы повременить с поездкой, планируя «на январь и февраль поехать в Сербию, март провести в Болгарии, а в апреле приехать в Литву» (Лавринец 1999: 98).

В начале 1929 г. идея поездки обретала отчетливые очертания. Бальмонт рассчитывал пробыть в Литве свыше полугода: «В половине мая приеду в

* Ногтева М. Обручение с Литвой // Литва литературная. – 1980. – № 5 (14). – С. 176–177.

** Vienuolis A. Iš mano atsiminimų apie poetą K. Balmontą. Jo jubiliejaus proga // Literatūros naujienos. – 1937. – Nr. 8 (63) [X.14]. – P. 11. Воспоминания переизданы: Vienuolis A. Raštai: t. 6, kn. 2 / Parengė J. Stonys. – Vilnius: Vaga, 1985–1988. – P. 494–497.

*** L. G[ira]. Konstantinas Balmontas (70 m. gimimo, 50 – kūrybos) // Literatūros naujienos. – 1937. – Nr. 7 (62) [VIII. 28], p. 11.

Литву, в Ковно, и, если литовцы дадут мне к тому возможность, проведу в Литве все лето. А осень ведь мое любимое время года. Лесная Царевна в золотой одежде сентября! Быть может, наконец, вечно томящийся Дон Жуан полюбит без измены? А Литва в белоснежном одеянии! Какое чудо! И я давно истосковался по снегу»*. В феврале Л. Гира в обзоре литературной жизни Литвы для «Сегодня» выделил ожидавшийся в ближайшем будущем приезд Бальмонта. По его словам, литературные круги «живо интересуются» Бальмонтом и «намеченным его приездом в Литву». Гира отметил увлеченность «великого русского поэта» литовскими песнями, его успехи в изучении литовского языка, знакомство с современной литовской литературой и заключил: «Его выступления в литовской и зарубежной русской прессе в пользу Литвы и ее поэзии, навеянные уже Литвой, сделали К. Д. Бальмонта необыкновенно популярным во всех слоях литовского общества, а литовские литераторы, ясно, главным образом интересуются его приездом в Литву, с которой поэт хочет ознакомиться на месте»**.

Но переписка с Гирой прервалась на полгода и возобновилась лишь в сентябре, когда Бальмонт уже успел побывать в Сербии, Словении, Болгарии. Вместе с ней ожила идея посещения Литвы: в ноябре каунасская газета «Наше эхо» сообщила, что поэт приедет, вероятно, на три месяца в 1930 г., будет «гостем литературного общества при гуманитарном факультете литовского университета», а организацию торжественной встречи и «заботы о пребывании поэта в Литве примет на себя популярный литовский поэт и один из близких друзей Бальмонта» Л. Гира и «знаменитый литовский беллетрист» профессор Винцас Креве-Мицкявичюс (1882–1954)***. В Рукописном отделе библиотеки Академии наук Литвы сохранились просьба о выделении средств для приглашения Бальмонта, еще в 1928 г. направленная литературным отделением общества гуманитарных наук и литературы при гуманитарном факультете совету факультета и соответствующее обращение декана факультета в министерство просвещения, но средства, очевидно, не были выделены.

В начале 1930 г. переписка с Гирой вновь прервалась на несколько месяцев, в апреле поэт с удивлением узнал о своем приезде в Литву из газет. Бальмонт потребовал безотлагательных объяснений по поводу известий в литовских и русских газетах о собственной скорой поездке в Литву, поскольку «ни от какого официального лица, и ни от какой определенной группы лиц, приглашения приехать в Литву» он не получал****. Л. Гира сумел срочно устроить приглашение Бальмонта на III День песни, посвященный юбилею Витаутаса Великого. Гира состоял членом правления Центра музыки и песни Литвы, ведавшего подготовкой «великого праздника Музыки и Песни, в котором, кроме всех литовских поэтов, будут участвовать несколько тысяч певцов и певиц Литвы», как писал поэт 8 июня 1930 г. Л. Л. Пименовой-Нобль (см.: Американские письма... 1993: 307). В газетном сообщении о приезде

* Письмо К. Д. Бальмонта Л. Гире 4 февраля 1929 г. // Рукописный отдел Национальной библиотеки Литвы им. М. Мажвидаса (далее РО НБ), ф. 7, ед. хр. 37, л. 4–5.

** Гира Л. Литовские литературно-художественные новости (Письмо из Ковно) // Сегодня. – 1929. – № 56, 25 февраля.

*** Поэт К. Бальмонт // Наше эхо. – 1929. – № 199, 3 ноября.

**** Письмо К. Д. Бальмонта Л. Гире 2 мая 1930 г. // РО НБ, ф. 7, ед. хр. 38, л. 17.

Бальмонта упоминается приглашение Центра песни и музыки (Dainos ir Muzikos Centras)*. В статье, написанной уже после возвращения из Литвы, Бальмонт назвал его ковенским «Содружеством Музыки и Песни»**. На праздник песни 20 июня 1930 г. поэт опоздал, приехав на следующий день, в субботу 21 июня.

Устроители поездки решили не дожидаться берлинского поезда в Каунасе, а организовать встречу на германской границе, на станции Кибартай у Вирбалиса (Вержболово). Из Каунаса двумя лимузинами отправились те, кто был с Бальмонтом знаком и состоял в переписке – Л. Гира с женой Брониславой Гирене и сыном, профессор гуманитарного факультета Каунасского университета и поэт Балис Сруога (1896–1947), познакомившийся с поэтом во время учебы в Московском университете (1916–1918), его брат Казис Сруога (1899–1974), начальник экономического отдела министерства финансов, актер Андрюс Олека-Жилинскас (1893–1948), встречавшийся с поэтом в России, и Евгений Шкляр (1893?–1941), редактор газеты «Наше эхо», поэт и переводчик, переписывавшийся с Бальмонтом еще в 1921 г.*** К перечисленным в газетных публикациях следует добавить Ядвигу Йовайшайте-Олекене, жену оперного певца и режиссера Пятраса Олеки (1895–1975), оставившую воспоминания о встрече (Teatralų atsiminimai ... 1995: 39).

По утверждениям В. Сириос-Гиры, встречавшие были приятно удивлены, узнав, что приветствовать дорогого гостя готовятся «шаулисы» («стрельцы», члены военизированной патриотической организации) Кибартай со своим оркестром. Дело обстояло, как вспоминает Я. Олекене, прозаичнее: Олека-Жилинскас, Гира, Пятрас Вайчюнас (1890–1959) и Сруога оркестр наняли, благодаря чему в стихотворении «Обручение» и появились строки «Военной музыкою встреченный, / Ее достигши рубежа». С прибытием поезда оркестр заиграл марш, после заминки из вагона вышел не ожидавший такой встречи ошеломленный поэт с женой Е. К. Цветковской-Бальмонт. Ей вручила букет цветов руководительница местных женщин-шаулисов Стефания Радзявичюте, а Б. Гирене вставила в петлицу Бальмонту розу. Поэт по-литовски провозгласил «Да здравствует свободная и независимая Литва!», на что последовало громовое «валё!». Л. Гира сказал короткую речь, местный фотограф Ш. Хламповский сделал снимок, напечатанный в газете «Lietuvos aidas» 25 июня. За ужином у директора Кибартайского отделения Литовского банка Ф. Сянкуса поэт делился впечатлениями и сказал короткий экспромт по-русски в честь хозяина.

* V. S-os. G. Balmontas Lietuvoje // Lietuvos aidas. – 1930. – Nr. 141 (922), birželio 25 d. Прозрачный криптоним принадлежит сыну Л. Гиры, тогда гимназисту, впоследствии поэту, прозаику, переводчику Витаутасу Сириос-Гире (1911–1997).

** К. Д. Бальмонт. Радость (Письмо из Франции). // Сегодня. – 1930. – № 234, 25 августа.

*** К. Д. Бальмонт в Каунасе. I. На литовско-немецкой границе // Наше эхо. – 1930. – № 388, 25 июня.

Чету Бальмонтов автомобилями доставили в Каунас в 2 часа ночи 22 июня* и поселили в квартире П. Олеки и Я. Олекене. Поэт намеревался жить у Гиры и в цитировавшемся письме Пименовой-Нобль указал в качестве своего каунасского адреса его квартиру на улице Донелайтиса, а в Каунасе в качестве временного жилья предполагался дом инженера Визбараса. В квартире П. Олеки на площади Виенибес (Единства) жил после возвращения в 1929 г. из России А. Олека-Жилинскас (Teatralų atsiminimai... 1995:39). Бальмонт справедливо называет его «известным драматическим артистом и постановщиком пьес, учеником нашего Станиславского». Он лишь в 1929 г. переехал из Москвы в Литву, и с ним поэт до утра проговорил о Литве и России, как вспоминал Бальмонт в статье «Радость».

Наутро Бальмонт с женой в сопровождении Гиры, Гирене и государственного контролера Матулайтиса осмотрели выставку сельского хозяйства и промышленности. Восьмая сельскохозяйственная выставка 19–22 июня была приурочена к юбилею Витаутаса Великого, а Винцас Матулайтис (1862–1935; учился в Петербургском университете, во время мировой войны член комитета литовских беженцев в Петрограде) был членом юбилейного комитета. Поэта особенно заинтересовал павильон, посвященный Витаутасу, в устройстве которого была изрядная доля Гирене и Гиры: жена поэта состояла в казначейской секции юбилейного комитета, с весны добивавшейся особого павильона на выставке, а поэт состоял в комиссии, ответственной за его экспозицию. В располагавшемся рядом лагере скаутов Бальмонт сфотографировался с ними. Вечером в зале библиотеки (иначе комната трех князей) Литовского клуба в честь гостя и его супруги дал обед бургомистр Каунаса, председатель правления Центра музыки и песни Йонас Вилейшис (1872–1942; адвокат, публицист, общественный деятель). В длившемся три часа обеде участвовали жена бургомистра, член городского совета Рогинскис, Л. Гира, В. Креве, П. Вайчюнас с женами, В. Миколайтис-Путинас, Ф. Кирша, Е. Шкляр, А. Олека-Жилинскас**. На приветственные речи Бальмонт отвечал наполовину по-русски, наполовину по-литовски.

В среду 25 июня «Rytas» извещала, что поэт посещает поэтов и писателей Каунаса, в конце недели собираясь отправиться в поездку по провинции. Видимо, еще до отъезда Бальмонта посетил Генрихас Блазас (1904–1965), опубликовавший беседу с поэтом в сокращенном варианте в еженедельной газете «Diena» 29 июня и в более полном виде в журнале «Naujas žodis» 1 июля. Вечером 26 июня, как следует из заметки в «Rytas», или утром 27 июня, если доверять «Lietuvos žinios», Бальмонт с женой, П. Вайчюнас и М. В. Добужинский на автомобиле отправились в экскурсию по живописным местностям к югу от Каунаса: Шяштокай, Лаздияй, Сейрияй, Лиепалингис, Лишкява, Мяркине, Пярлойя, Варена, Даугай, Алитус, Пуня, Бирштонас.

* Atvažiavo poetas Balmontas // Lietuvos žinios. – 1930. – Nr. 139 (3338), birželio 23 d.

** Ср.: Poetas Balmontas Kaune // Lietuvos aidas. – 1930. – Nr. 139 (920), birželio 23 d.; Balmontas Lietuvoje // Ibidem. – Nr. 141 (922), birželio 25 d.; Чествование К. Д. Бальмонта городским самоуправлением // Наше эхо. – 1930. – № 387, 24 июня.

Субботним вечером 28 июня Бальмонт должен был вернуться в Каунас, 29 пароходом по Неману отбыть в Вялюону для участия в открытии памятника Витаутасу Великому*. Газета «Rytas» сообщала, что Бальмонта с женой, помимо Вайчюнаса и Добужинского, сопровождал и В. Гира**. Причисляя к участникам поездки Л. Гиру, но не упоминая Добужинского, актриса Теофилия Вайчюнене (1899–1995) с преувеличением вспоминала, будто бы с П. Вайчюнасом и В. Сириос-Гирой поэт изъездил Литву вдоль и поперек (Vaičiūnienė 1988: 146). В родной деревне актера Пятраса Кубертавичюса (1897–1964) Вартай под Симнасом путешественники переночевали с четверга на пятницу. Поэт в статье «Радость» с восторгом вспоминал хлебосольство гостеприимного деревенского дома, «в котором и мать, и отец, и все домашние – крестьяне, а сын – талантливый артист Государственного театра, исполнитель роли Шарунаса в изумительной драме Креве, беззаветный весельчак Кубертавичюс, и его брат, наливающий уж не знаю какую рюмку хмельного, но так кланяющийся гостям и повторяющий «Прашау, прашау, прашау, прашау», что нельзя не выпить еще». С актером Бальмонт познакомился через А. Олеку; по свидетельству мемуариста, Кубертавичюс и предложил познакомить поэта с Дзукией. Поездка очень понравилась поэту, он часто вспоминал о ней и спрашивал у Кубертавичюса: «Петр Андреич, когда поедем в дикую страну Дзу-дзу?» (Mackevičius 1970: 102). Поездка продолжалась до конца месяца.

Во вторник 1 июля в Летнем театре состоялся единственный вечер поэзии Бальмонта. Программа предполагала исполнение поэтом на литовском и русском языках его «солнечных песен» («Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце...», «Как испанец»), отрывка лекции «Литва и песня», читавшейся в Париже, Белграде, Загребе, Софии, стихов к женщине («В моем саду», «Звездная грамота», «Мантилья») и не публиковавшихся стихотворений о Литве и Руси***. По газетным материалам поэт действительно прочитал несколько старых своих любимых стихотворений, лекцию о славянских и литовских народных песнях, иллюстрированную примерами из дайн, новые стихи о Литве и Руси, опубликованные и еще ненапечатанные, – они должны были войти в книгу «Северное сияние». Корреспондент «Rytas» переводы Бальмонта с литовского оценил как выполненные необычайно хорошо: в них, по его словам, сквозь русский язык просвечивает литовская душа.

Газета «Lietuvos aidas» в связи с лекцией упомянула резкий отзыв поэта о поляках и их «бесчеловечных» стремлениях. Более определенных изложений высказываний Бальмонта о польско-литовских отношениях и «вильнюсском вопросе» не обнаружено. Между тем Д. Д. Бохан в статье к 50-летию его творческой деятельности, подчеркивал, что Бальмонт – прежде всего поэт, и его попытки играть другие роли неудачны: «Он пытался быть политиком – и мы помним, как начудил он в Ковне, во время своих выступлений в столице Литвы несколько лет тому назад <...>»****. Вероятно, вильнюсский журналист имел в виду всю совокупность пролитовских выступлений поэта в печати 1928–1930 гг.

* Pirmoji poeto K. Balmonto kelionė po Lietuvą // Lietuvos žinios. – 1930. – Nr. 143 (3342), birželio 27 d.

** Balmontas lanko Dzūkiją // Rytas. – 1930. – Nr.143 (1893), birželio 27 d.

*** Vasaros teatras // Lietuvos aidas. – 1930. – Nr. 144 (925), birželio 28 d.; nr. 145 (926), birželio 30 d.

**** Бохан Д. Д. Листки журналиста. // Новая искра. – 1936. – № 22, 26 апреля.

«Наше эхо» в анонсе вечера назвала его «событием в нашей литературной жизни» и «большой радостью, которую несет с собой провозвестник Истины на земле и глашатай Солнца». Газета выражала уверенность в присутствии на вечере «тех, кому еще, среди суеты нашего реального бытия, дорого путешествие в ирреальное, в невесомое, в то воздушное, что отличает человека от скота...». Слово Бальмонта достойно «высоко интеллектуальной аудитории», быть на вечере значит «приобщиться к таинству и чарованию поэтического, солнечного искусства», выступление поэта найдет «отклик в сердцах не только увлекающейся молодежи», но и среди «не экзальтированного слоя нашей интеллигенции». «Никто, – заключал анонс, – не должен пренебречь случаем – послушать К. Д. Бальмонта»*.

Однако вечер прошел явно без аншлага, хотя Бальмонту и запомнился «духовный воздух единения и горячего проникновения слуха сотен людей к художественному слову», сопоставимый с атмосферой в русских аудиториях перед войной. Газета «Lietuvos žinios» сочла, что вечер имел «большой успех», а зал был «почти полон». «Lietuvos aidas» отметила присутствие министров иностранных дел (Довас Заунюс), просвещения (Константинас Шакянис), внутренних дел (Пятрас Аравичюс) и множества заметных фигур литовского общества**. Разочарование сквозит в отчете «Нашего эха». Его автора поразила, видимо, контрастом с ожиданиями, обыденность («слишком просто»): пустая сцена со столом и стулом, незаметное, без вступительных слов и речей, «откуда-то сбоку», появление поэта «в простом темном пиджаке». Само бальмонтовское чтение не произвело сильного впечатления: «Он, конечно, не актер, – признавал журналист. – В его чтении нет декламаторской выразительности, в его дикции нет четкости». О сомнительном успехе вечера говорят рассуждения о том, что наслаждение поэзией доступно не всем и вечер поэзии – «не киносеанс, не модный шлягер», поэтому «жаждущих красоты стиха» в Летнем театре собралось «довольно много», и то была «избранная аудитория»***.

5 июля Бальмонт отправился в экскурсию вниз по Неману, чтобы «увидеть чудесно красивые берега реки, а потом их воспеть». На следующий день «повседневные дела» заставили его скорым поездом уехать во Францию****.

Причиной поспешного отъезда могла быть болезнь дочери Мирры Константиновны Бальмонт (1907–1970) – в первом же письме по возвращении во Францию, поэт писал из Капбретона Гире о том, что задержался в Париже «из-за Мирры, которая очень больна, но мы, кажется, поправили беду»*****.

* К выступлению К. Бальмонта. // Наше эхо. – 1930. – № 393, 1 июля.

** Ср.: Balmonto poezijos vakaras Vasaros teatre. // Lietuvos žinios. – 1930. – Nr. 147 (3346), liepos 2 d.; Ma. Poetas Balmontas rytoj jau išvažiuoja. // Lietuvos aidas. – 1930. – Nr. 150 (931), liepos 5 d.

*** Скэтч. На вечере К. Д. Бальмонта. // Наше эхо. – 1930. – № 395, 3 июля.

**** Ma. Poetas Balmontas rytoj jau išvažiuoja.

***** Письмо К. Д. Бальмонта Л. Гире 26 июля 1930 г. // РО НБ, ф. 7, ед. хр. 38, л. 4.

Что дала поездка в Каунас? Поэт познакомился со страной, с музеями и театрами, с писателями и условиями их жизни. Самых близких Бальмонт перечислил в первых строках стихотворения «К литовским друзьям», посланном в июле 1930 г. Гире и опубликованном газетой «Сегодня» (1930, № 223, 14 августа; вошло в книгу «Северное сияние»): Л. Гира, В. Креве, Б. Сруога, П. Вайчюнас, А. Олека-Жилинскас, Казис Пуйда (1883–1945), прозаик и переводчик, Фаустас Кирша (1891–1964), поэт, критик, переводчик. «Lietuvos aidas» писала, что в Литве Бальмонт закончил книгу «Северное сияние», треть ее составят стихотворения с литовской тематикой, по возвращении во Францию он завершит подготовку сборника литовских сказок в переводе на русский язык и двух антологий – народных песен и новой поэзии. Как известно, исполнена лишь половина замыслов – были изданы в Риге «Литовские народные сказки» (1930), в Париже – «Северное сияние. Стихи о Литве и Руси» (1931).

Литовские литературные круги в завышенных своих ожиданиях были явно разочарованы. Представлениям о знаменитости и его супруге не соответствовал вид старичков, необыкновенно убого одетых*. Б. Сруоге запомнился уставший, надломленный эмиграцией, потрепанный старичок с жалобно дрожащим голосом, озирающийся, где бы сытнее поесть. Бальмонт, вспоминал поэт и офицер кавалерии Юозас Жлабис-Жянге (1899–1992), выглядел скорее «простым гражданином, чем королем символистов», и добавил, что тогда, видно, времена для короля были неблагоприятными**.

Отрицательное впечатление не мог не произвести недуг Бальмонта: малейшие дозы алкоголя преображали его, он становился заносчивым и способным к припадкам безудержной ярости, а с первых часов пребывание поэта в Литве (как тремя годами ранее в Польше) обратилось в череду застолий. Повод для разочарования могла дать и склонность Бальмонта к преувеличениям своих способностей, – в частности, языковых. В письмах Гире он то и дело сообщал о достигнутых успехах в изучении литовского. Так, в ноябре 1929 г. ему «открылось, с точностью», что он «наконец овладел литовским языком» и понимает в литовских драмах, стихах, романах все: «Теперь я убежден, что, когда я приеду в Литву и исправлю ударения, чего без живого разговора достичь нельзя, я смогу на приветствия литовцев отвечать не по-русски, а по-литовски»***.

Но в той мере, на какую позволяли рассчитывать письма, Бальмонт литовский не сумел освоить. Свидетельство тому – беседа с ним Г. Блазаса, которому с первых же слов пришлось перейти на русский язык. По признанию поэта, он выучил язык теоретически, но практически говорить на нем не довелось, лишь в Каунасе случилось пообщаться с лодочником на Немане и со

* Teatralų atsiminimai... – P. 39.

**Žengė J. [Žlabys]. Kaip kartą teko susitikti su K. D. Balmontu. // Literatūros naujienos. – 1937. – Nr. 7 (62). – P. 11.

*** Письмо К. Д. Бальмонта Л. Гире 21 ноября 1929 г. // РО НБ, ф. 7, ед. хр. 37, л. 25.

служащей на почте, а литовцы писатели, дескать, избегают говорить с ним по-литовски из уважения к гостю*.

Запоздавший приезд поэта в Литву не стал большим событием ни для Литвы, ни для соседних стран. Внимание ему уделила только местная периодика. А польское турне 1927 г. вызвало широкий резонанс и в польской печати, и в прессе русского зарубежья: поездка Бальмонта в Польшу была подробно освещена в пяти заметках и статьях газеты «Сегодня» в апреле – мае 1927 г., о визите в Литву сообщала короткая корреспонденция в две фразы о том, что «писатель К. Д. Бальмонт выступит в Летнем театре с лекцией о литовской песне» и «прочитает свои последние стихотворения»**. Вряд ли оправданно обозначение единственного творческого вечера поэта как «лекционное турне по Литве» (Письма К. Бальмонта... 1997: 176) и оценка его как «триумфального» (Письма К. Бальмонта... 1995: 161).

При широком резонансе турне 1927 г. отклики на него были разноречивы. Поездку Бальмонта в Польшу резко осудил известный писатель-юморист, в 1920–1927 гг. редактор каунасской газеты «Эхо» А. С. Бухов. Его возмутило граничащее с пресмыкательством полонофильство Бальмонта. Бухов привел ответ Бальмонта в Вильнюсе на вопрос, как ему понравилась Польша: крайне тронутый приемом, оказанным в стране, в которой он «никогда не был», поэт признался, что «ехал сюда с некоторым волнением», так как много слышал «о русофобстве поляков». «Вздор! Чувствую себя, как дома», – энергично закончил поэт, а Бухов сравнил его с проглоченной ужом канарейкой, которая «тоже чувствовала себя, как дома»***.

По мнению Бухова, Бальмонт «начал восстанавливать свою популярность с развязностью пьяной девицы», не гнушаясь негодными средствами, в Польше, месте для «восстановления русской популярности» столь же удобном, «как ночной бар для лечения почек». Бухов отметил отрицательную реакцию парижской русской печати на непристойные заискивания «бывшего русского поэта» и привел обширную цитату из письма из Вильнюса в берлинской газете «Руль»: «Если в Варшаве Бальмонт еще сдерживался, то в Вильне он окончательно погубил себя в глазах местных русских. Началось с того, что, увидев на вокзале среди встречавших его лиц делегацию от местных русских организаций, он резко и удивленно спросил, *откуда взялись в Вильне русские*, и, услышав, что в Вильне их как-никак довольно много, 10 тысяч человек по самым скромным подсчетам, *при всех встречавших поляках бросил: «Ну и что? Ссоритесь, как и везде?» И с этими словами отвернулся, поставив русскую делегацию в тупик.*

* Ką sako K. Balmontas // Diena. – 1930. – Nr. 25 (98), birželio 29 d.

** Лекция К. Д. Бальмонта // Сегодня. – 1930. – № 175, 27 июня.

*** [Бухов А. С.] Дребезги. Фельетон Л. Аркадского // Эхо. – 1927. – № 114 (2100), 21 мая. Возможно, Бухов имел в виду высказывания Бальмонта в Варшаве, приведенные рижской газетой «Сегодня»: «Я много слышал о Польше, где ко всему русскому относятся с предубеждением. Признаться, я ехал в Польшу с некоторым страхом, но то, что я увидел, превзошло к лучшему все самые смелые предположения. Я чувствую себя в Польше, как в родном доме». См.: Сергеев В.

На обед, данный в его честь местными польскими деятелями, были, конечно, приглашены представители местных русских организаций. Один из них воспользовался случаем для того, чтобы обратиться к Бальмонту и спросить его, не угодно ли ему будет посетить местное русское собрание и прочесть что-нибудь на русском. В ответ на это обращение Бальмонт *намеренно громко и явно желая обратить на свои слова внимание окружающих отчитал растерявшегося представителя* русских организаций, заявив, что он, Бальмонт, дескать, *не понимает, как можно в Вильне выступать на русском языке*»*.

Девять лет спустя отголосок таких инцидентов прозвучал в статье Бохана: «<...> помним также и упрек его нам, русским людям, чествовавшим его в Вильне, – в том, что мы... говорим с ним по-русски!..» Тем разительнее утверждение «Виленского утра» в пространной статье накануне лекции «дорогого и почтеннейшего гостя»: «Для нас, русских, это светлый, радостный праздник...»** По мнению Ч. Янковского, в демонстративном полонофильстве Бальмонт переходил грань приличий, читая среди поляков стихотворение Мицкевича о петле для царя (имеется в виду перевод Бальмонта песни Феликса из драматической поэмы «Дзяды», часть III, акт I, сцена I «Какому б злу я ни был отдан...», печатавшийся также под заглавием «Песнь польского узника»), так как в устах русского, даже если он и отрицательно относится к прежней царской власти, польские инвективы звучат неуместно и неприятно для самих поляков.

В Вильнюсе Бальмонт на прощальном вечере, по свидетельству Янковского, остановив рукой аплодисменты, растроганно сказал: «До свидания зимой!». Три года спустя на вечере в Каунасе он заявил, что вскоре приедет в Литву на целых полгода (газета «Lietuvos žinios» 2 июля), 3 июля в той же газете упоминалось намерение поэта вернуться зимой и прочитать несколько лекций. Еще раньше о надежде приехать в Литву по меньшей мере на полгода он говорил Блазасу***. «Знаю, что снова вернусь в красивый, уютный, полный деревьев и цветов, Каунас», – писал Бальмонт в статье «Радость». Но ни в Вильнюс, ни в Каунас ему не суждено было вернуться.

ЛИТЕРАТУРА

'Американские письма К. Д. Бальмонта'.

1993 Публикация Ж. Шерона. *Минувшее*. Исторический альманах. 13.

Андреева-Бальмонт, Е. А.

1997 *Воспоминания.* / Подготовка текста, предисловие Л. Ю. Шульман, примеч. А. Л. Паниной и Л. Ю. Шульман. – М.

Бальмонт К. Д.

* [А. С. Бухов] Распоясавшийся. Фельетон Л. Аркадского // Эхо. – 1927. – № 123 (2109), 2 июня.

** N. К. Д. Бальмонт в Вильне. // Виленское утро. – 1927. – № 104 (1417), 8 мая.

*** H. B. [H. Blazas] Saulės dainius. Valandėlė pas K. D. Balmontą // Naujas žodis. – 1930. – Nr. 12 (123), liepos 1 d. – P. 252–253.

1968 *Стихотворения.* / Вступит. ст., сост., подг. текста и примечания Вл. Орлова. – Л.

Бальмонт К. Д.

1983 *Избранное* / Сост. В. Бальмонт, вступит. статья Л. Озерова; примеч. Р. Помирчего. – М.

Видугирите И.

1997 'Структура диалога в сборнике стихов К. Бальмонта «Северное сияние»'. *Язык. Общество. Культура* – Вильнюс.

Лавринец, П.

1998 '»Ратоборство о Литве»»: Письма Константина Бальмонта Людасу Гире'. *Вильнюс.* – № 4/5 (161/162).

Лавринец П.

1999 '»Одним огнем мы крещены»: Письма Константина Бальмонта Людасу Гире. 1928 год'. *Даугава.* – № 4 (216).

'Письма К. Бальмонта А. Ранниту'.

1995 Публикация Ж. Шерона *Новое литературное обозрение.* – № 11.

'Письма К. Д. Бальмонта к Дагмар Шаховской'.

1997 Публикация и примечания Ж. Шерона. *Звезда.* – № 9.

Рождественская И. С.

1985 'Литовская народная песня в поэзии К. Д. Бальмонта'. *Literatūra ir kalba.* T. XVIII. – Vilnius.

Barański, Z.

1963 'Konstanty Balmont i literatura polsk'. *Zeszyty Nauowe WSP Opole.* 1963.

Mackevičius, A.

1970 'Gyveno mūsų tarpe Žmogus'. *Petras Kubertavičius* / Sudarė ir paruošė A. Vengris. – Vilnius.

Orłowski, J.

1997 'Konstanty Balmont i jego wiersze wojenne o Polsce'. *Acta Polono-Ruthenica II. – WSP Olsztyn.*

Powolocki, S. S.

1997 *Mój romans z teatrem.* – Lódz.

Samulionis, A., Straukaitė, D.

1967 'Balmontas ir Lietuva'. *Pergalė*, Nr. 12.

Sruoga, B.

1990 'Verpetai ir užuvėjos'. / Sudarė, įvadą ir paaiškinimus parašė A. Samulionis. – Vilnius.

Teatralų atsiminimai apie Andrių Oleką-Žilinską, Borisą Dauguvietį, Romualdą Juknevičių.

1994 Sudarė ir parengė R. Andrašiūnaitė. – Vilnius.

Vaičiūnienė T.

1988 'Du įsimintini susitikimai. Konstantinas Balmontas ir Ivanas Buninas Kaune'. *Pergalė.* – Nr. 8 (512).

Славянские чтения

I

Ред. Ф. П. Федоров

Даугавпилс-Резекне, 2000.

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная 70 г/м². Гарнитура «Таймс». Печатных листов 14 1/2. Тираж 300 экз. Заказ № 886. Типография ООО «Latgales druka», ул. Базницас, 28, г. Резекне, LV-4601, Латвия.

Издательство Латгальского культурного центра, а. я. 16, г. Резекне, LV-4601, Латвия.
Телефон 46 22298.

Регистрационное удостоверение издательской деятельности № 2-0131.
Руководитель издательства Я. Элксис